

Искусственный интеллект в системе образования. Проблемы списывания и плагиата

Цуриков Владимир Иванович

Доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кострома, Российская Федерация

E-mail: tsurikov@inbox.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

искусственный интеллект, образование, списывание, плагиат, этический кодекс, академическое мошенничество

АННОТАЦИЯ

Быстрая интеграция технологий искусственного интеллекта во многие сферы жизнедеятельности расширила возможности для успешного мошенничества учащихся в учебном процессе. На основе анализа литературы последних лет в статье рассматриваются два типа мер, предназначенных для предупреждения и сокращения случаев ИИ-плагиата. Первый, называемый карательным, основан на принципах экономической теории преступлений и наказаний и предусматривает усиление контроля и ужесточение наказания. Второй, состоящий из профилактическо-воспитательных мер, предусматривает работу с ценностными установками учащихся и направлен на формирование у них академической честности и навыков этичного использования ИИ. Карательные меры не способны устранить причину академического мошенничества. Их роль состоит в подаче сигнала потенциальным нарушителям о том, что нарушение не выгодно. Профилактические меры в отличие от карательных, направлены на устранение причин, но не позволяют надеяться на быстрый результат. Поэтому оптимальная стратегия может быть построена только на комплексном подходе. Многочисленные опросы показывают, что наши студенты в большинстве случаев не усматривают что-то плохое в списывании. С раннего возраста они привыкают к тому, что получаемое ими в школе домашнее задание выполняют за них родители или бабушки-дедушки. Поэтому в настоящее время успешное сдерживание масштабов академического мошенничества студентов без использования жестких карательных мер невозможно. Однако для многих российских вузов применение таких мер воздействия на нарушителей этических норм, как выставление неудовлетворительных оценок и отчисление из вуза, в условиях подушевого финансирования не по карману. Поэтому есть основания полагать, что многие провинциальные вузы России не смогут справиться с проблемой академического мошенничества студентов.

JEL codes: I21, O33, K42

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-3-29-43>

Для цитирования: Цуриков, В.И. Искусственный интеллект в системе образования. Проблемы списывания и плагиата / В.И. Цуриков. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 3. – С.- 29-43. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.03.2026)

Введение

Статья посвящена проблеме списывания в учебном процессе с использованием современных цифровых технологий. Инструменты искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы буквально врываются во все сферы нашей жизни, порождая новые беспрецедентные возможности и перспективы для учебы и научной работы. Взрывной характер этой экспансии оборачивается появлением новых, в том числе неожиданных, вызовов и рисков. Для учащихся, преподавателей и научных работников ИИ-технологии становятся незаменимыми помощниками – неутомимыми, безотказными, практически всезнающими. Можно думать, что со временем ИИ перерастет рамки помощника и примет на себя роль главного эксперта, решающего каким быть образованию, и тогда на смену вопросов «чему и как учить?» придут вопросы «зачем учить?» и «нужны ли нам школы и

вузы, учителя и преподаватели?».

Пока же ИИ-технологии только приоткрывают перспективы для персонализации образования, т.е. для такой системы обучения, при которой сам обучающийся в соответствии со своими «индивидуальными способностями, интересами и потребностями осуществляет отбор содержания обучения и выбор методов, приёмов, средств обучения и контроля, осуществляет самооценку и самоконтроль, определяет темп овладения учебным материалом и берёт на себя ответственность за процесс и результат обучения» [21, с. 55]. Отметим, что в Программу фундаментальных научных исследований в РФ, утвержденной Правительством РФ, включено научное направление: «Научные основы применения технологий искусственного интеллекта для персонализации образования и построения индивидуальных образовательных траекторий с учетом когнитивных и личностных особенностей» [18, с. 97].

Так как внедрение ИИ в образование неизбежно и фактически, оно уже идет полным ходом, то имеет смысл сказать несколько слов о собственном (очень небольшом) опыте взаимодействия с ИИ-моделью ChatGPT-5. Приведу результаты устроенного для GPT экзамена. Сначала два определения, полученные от ChatGPT.

Определение 1 (сгенерировано GPT). Искусственный интеллект (ИИ) – это совокупность технологий, алгоритмов и систем, предназначенных для имитации человеческих когнитивных функций – таких как обучение, рассуждение, восприятие, понимание языка, принятие решений и адаптация к новым условиям – с целью выполнения задач, требующих интеллектуальных усилий, без прямого человеческого управления на каждом этапе.

Определение 2 (сгенерировано GPT). Генеративный искусственный интеллект (Generative AI, GenAI) – это подраздел искусственного интеллекта, который создаёт новые, оригинальные данные – такие как текст, изображения, аудио, видео, код или даже 3D-модели – на основе паттернов, извлечённых из обучающих данных. В отличие от дискриминативных моделей (которые классифицируют или анализируют существующие данные), генеративный ИИ вырабатывает то, чего раньше не существовало.

Полагаю, что за эти определения можно поставить твердую пятерку. Дальше модели ChatGPT были предложены две фразы для интерпретации. Первая – фраза академика Л.В. Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокрѣнка». Ответ – на пять с плюсом. А вот вторая фраза: «За прибрежной косою длинноухий косою пал под острой косою косою бабы с косою» осталась без какой-либо интерпретации. Ответ от ChatGPT-5 не удалось получить и после нескольких повторных запросов. Вместо ответа появлялось сообщение об ошибке.

Развернутые ответы с «переводами» были получены, причем практически мгновенно, от ГигаЧат и Алисы. «Перевод» ГигаЧат: «Заяц, находящийся возле береговой полосы, погиб от удара острым инструментом косы, которым владела женщина с дефектом зрения (косоглазыми глазами)». «Косоглазые глаза» – это, конечно, «масло масляное». Но нужно заметить, что в русской литературе нередко встречается аналогичная конструкция: курносый нос. «Перевод» Алисы заметно лучше: «За песчаным мысом заяц с длинными ушами погиб от удара острой косой, которой орудовала женщина с косоглазием и причёской в виде косы».

С заданием написать четверостишие в стиле Пушкина, Пастернака, Губермана ChatGPT справился на хилую троечку. Все сгенерированные им согласно следующему заданию анекдоты на тему студента-двоечника не выдерживают никакой критики. Тяжеловесны, в каждом из них наличествует сложная для анекдота логическая конструкция. При этом всегда встроено необходимое для юмора противоречие между формой и содержанием, т.е. противоречие между ожидаемой сюжетной линией и неожиданным финалом. Но ничего смешного нет. Оценка – двойка.

Но хуже всего оказалась склонность ChatGPT к «откровенному вранью». В ряде случаев (не меньше, чем в половине) на предложение привести цитату и дать ссылку на нее ChatGPT выдавал полную чушь, упакованную в весьма правдоподобную форму. На возражение, что такой работы нет,

он извинялся и снова выдавал выдуманную ссылку на несуществующую публикацию. Такого рода галлюцинации хороши только для разоблачения ИИ-плагиата в письменных студенческих работах (эссе, рефератах, статьях, курсовых, дипломных).

Как видим, генерируемые ИИ тексты могут сильно различаться и качеством, и степенью достоверности. Поэтому при работе с ИИ следует проявлять определенную осмотрительность.

Важно отметить, что все, стандартные по меркам технического вуза задачи по математике и физике, которые предлагались модели ChatGPT-5, незамедлительно получали достаточно подробные пошаговые безукоризненно выполненные решения. Можно думать, что именно это великолепное умение ИИ, наряду с умением генерировать тексты, и послужило причиной быстрого распространения среди учащихся практики нечестного использования инструментов ИИ для решения задач или генерирования текстов в целях выдачи результатов за собственные достижения. Надо сказать, что проблема списывания на экзаменах всегда находилась в поле зрения учебных заведений. Однако сейчас с появлением ИИ-технологий она несколько трансформировалась и заметно обострилась.

Методы и термины

Статья появилась в результате изучения и анализа отечественных публикаций нескольких последних лет, посвященных проблемам применения инструментов ИИ в образовании. В своем анализе мы придерживаемся таких принципов новой институциональной экономической теории как методологический индивидуализм и ограниченная рациональность. Кроме того, мы используем предпосылку оппортунистического поведения индивида и опираемся на основные идеи неоклассической экономической теории преступлений и наказаний.

Соответственно, мы исходим из постулата, что субъектом любого действия, выбора, решения является индивид (а не группа, партия, коллектив), стремящийся в силу своего понимания к максимуму собственной полезности и допускающий для себя возможность оппортунистического поведения. При этом считаем, что он не склонен к проявлению крайних форм оппортунизма в виде вымогательства или шантажа. В классификации Оливера И. Уильямсона поведение нашего индивида отвечает полусильной форме эгоизма в виде простого следования личным интересам [23, с. 100].

Скажем несколько слов о терминах «плагиат» и «ИИ-плагиат». На мой взгляд, термин «ИИ-плагиат» довольно неудачный, но он получил в последнее время (по-видимому, в силу краткости) широкое распространение, и поэтому приходится им пользоваться. Под словом «плагиат» в уголовном кодексе РФ (ст. 146) понимается нарушение авторских прав, состоящее в умышленном присвоении авторства. В уголовный кодекс это деяние попало в силу способности причинить автору ущерб. Но под ИИ-плагиатом понимается действие, которое никаким образом никому никакого ущерба причинить не может просто в силу физического отсутствия автора. Если под плагиатом понимается кража, т.е. тайное хищение собственности, то ИИ-плагиат ничего общего с кражей не имеет, так как потерпевшего просто нет. Здесь просматривается некоторая аналогия с термином из криминологии «преступление без жертв».

В настоящее время в академической среде под термином «ИИ-плагиат» подразумевается «недобросовестное использование ИИ, не отвечающее нормам академической этики». Конкретно это понятие включает три аспекта. Во-первых, применение ИИ в случаях, в которых его использование прямо запрещено правилами (например, при сдаче экзамена или при написании контрольной работы); во-вторых, умышленное сокрытие факта использования ИИ, если локальными правилами предусмотрено раскрытие этой информации (например, при защите диссертации); в-третьих, искажение сведений о масштабах использования ИИ, если локальными регламентами предусмотрено ограничение этих масштабов (например, утверждение, что инструмент ИИ использовался только для проверки орфографии, в то время, как он сгенерировал значительную часть текста статьи или диссертации).

ИИ-плагиат и банальное списывание на экзаменах в нашей стране в настоящее время преступлением не являются. Но, как будет видно из дальнейшего, так бывает не везде и не всегда.

Статья подготовлена с помощью ИИ.

Списывание – вчера и ИИ-плагиат – сегодня

Для обозначения глубины проблемы обратимся к Меморандуму по итогам форума «Искусственный интеллект в высшем образовании: педагогические вызовы и перспективы российских университетов». Вот первые его слова: «Системы искусственного интеллекта на основе больших языковых моделей (далее – ИИ) являются подрывной инновацией, коренным образом меняющей образовательный процесс в вузах» [16]. Здесь главные слова – «являются подрывной инновацией».

Если прежде практика списывания учащихся на экзаменах, контрольных работах или при выполнении любого письменного домашнего задания была так или иначе связана с определенными издержками (нужно было обратиться к кому-то за помощью или отобрать и подготовить для шпаргалки соответствующий материал, написать шпаргалку), то сейчас такого рода издержки практически отсутствуют. В настоящее время учащемуся для получения решения любой задачи по школьному или вузовскому курсу математики или физики достаточно загрузить в нейросеть Кэмп фото с условием задачи и через несколько секунд получить пошаговое решение. Остается его только переписать или распечатать. И все. Можно сдавать работу и перед одноклассниками или сокурсниками принимать позу победителя: «Я – крутяк! Читернул по полной, препод – лох, не запалил. Еще от родаков кэш за сдачу отхвачу».

Подобная предоставляемая инструментами генеративного ИИ возможность полностью избавляет учащегося от необходимости обдумывать задачу, вникать в ее условие, изучать соответствующий материал и даже просто знакомиться с условиями задачи. Приведем в качестве примера реальный случай из практики вузовского преподавателя математики.

Студент сдает до крайности небрежно написанное и при этом достаточно подробно выполненное индивидуальное домашнее задание по математике. В условии одной из задач фигурировала показательная функция, записанная в виде e^x . ИИ в выданном решении использовал эту функцию в виде: $\exp(x)$. Символы $\exp$ читаются «экспонента». Так как почерк был безобразным, то преподаватель, указывая на символы $\exp$, спросил: Что это такое? Студент замялся, потоптался как конь и выдал следующие звуки: Эль плюс пэ. Преподаватель, согласно услышанному, пишет на бумаге: $l+r$ и спрашивает: Так? Студент подтверждает: Да, именно это здесь и написано. Запись студента в представленном им домашнем задании была правильной, но столь небрежной, что он не распознал написанные им буквы, в частности спутал букву e с l и букву x со знаком $+$. Вывод однозначный: студент не только не разобрался в решении, предложенном нейросетью, но и не понял ответа и, скорее всего, даже не прочитал условие задачи. Здесь же отметим, что с недавнего времени в практике преподавания нередки случаи, когда студент, столкнувшись с простейшим вопросом типа чему равно произведение чисел 7 и 8, тянется к телефону для получения ответа с помощью калькулятора.

Эти взятые из реальности сценки свидетельствуют о том, что проблема списывания, преобразовавшаяся к настоящему времени в проблему ИИ-плагиата, действительно заметно обострилась. Подготовка шпаргалки (уже ушедшая в прошлое) могла в какой-то мере играть роль написания конспекта и поэтому оставляла надежду на то, что учащийся в процессе ее написания что-то усвоил. Если прежде учащийся обращался за помощью к родителям или товарищу по учебе, то ему было необходимо, хотя бы разобраться в условиях задач и некоторые из них, казавшиеся ему самыми простыми, решить самому. К последним относятся те задачи, издержки самостоятельного решения которых были ниже издержек обращения за помощью. Но если сейчас издержки решения любых задач из школьного и вузовского курса практически обнулились, то издержки контроля и мониторинга резко подросли, что оборачивается снижением эффективности контроля. И,

соответственно, возрос соблазн обмана, ИИ-плагиата, списывания.

Если полагать, что основная цель учебного процесса состоит в приобретении учащимся определенного объема знаний и профессиональных навыков, то списывание (ИИ-плагиат) лишает учебный процесс всякого смысла, превращая его в бессмысленное расточительство ресурсов. Кроме того, практика списывания создает условия для получения дипломов об образовании лицами, фактически не получившими этого образования. Последствия деятельности липовых специалистов – врачей, инженеров, управленцев и др. – будут выражаться в нанесении значительного ущерба, как отдельным индивидам, так и социуму в целом. Соответственно, диплом об образовании перестает выполнять свою главную функцию – служить надежным сигналом о профессиональной квалификации и компетентности его обладателя. В результате девальвации диплома все большее распространение при назначении на руководящие посты получают коррупционные практики – семейственность, протекционизм, блат, взяточничество, покупка должностей.

Как видим, мошенничество, проявляемое со стороны учащихся в образовательной сфере, влечет за собой далеко идущие негативные последствия для всего социума. Поэтому, вполне естественно, что общество и государство заинтересованы в снижении масштабов подобных проявлений. Соответственно, напрашиваются вопросы: Как преподавать? Как реагировать на списывание? Каковы должны быть меры наказания за академическое мошенничество? [1].

Обман в учебном процессе как разновидность теневой экономики

Наталья и Юрий Латовы предложили трактовать обман в учебном процессе как «школу теневых экономических отношений» [14, с. 35]. Согласно предлагаемой ими концепции, мошенничество, проявляемое учащимися в образовательной сфере (в частности, списывание), относится к одному из проявлений теневой экономики. «Учась обманывать в школе/вузе, школьник/студент учится «азам» повседневной теневой экономической деятельности» [14, с. 33]. Ибо, согласно приведенной ими латинской поговорки, «не для школы мы учимся, а для жизни». Результаты опроса, проведенного Е.С. Кодрашовой среди студентов 1-го и 2-го курсов, показал, что «почти все респонденты, ответившие, что никогда не прибегали к списыванию в школе, в основном придерживаются этой же стратегии (не списывают) и в университете» [13, с. 159]. По-видимому, действительно, толерантное отношение к академическому мошенничеству формируется у российских студентов со школьной скамьи [5, с. 24].

Можно думать, что в настоящее время на смену покупке курсовой работы, диплома, диссертации приходит ИИ-плагиат. Но следует заметить, что если продажа-покупка диплома или диссертации, вне всякого сомнения, относится к разновидности теневой экономики, то и ИИ-плагиат, по крайней мере, в его наиболее радикальном проявлении, мы должны рассматривать в том же качестве. Интересно отметить, что в результате покупки заказной диссертации, как показало исследование Е. Балацкого [2], покупатель со временем подвергается удивительным «психологическим метаморфозам». Одна из них состоит в том, что в процессе подготовки к защите диссертации покупатель все глубже погружается в ее тему, и очень часто ко дню защиты настолько в нее вживается, что «готов абсолютно искренне защищать каждый ее тезис». Причем Е. Балацкий подчеркивает, что «попадание под действие этого эффекта многих покупателей ученых степеней – непреложный факт» [2, с. 154]. В чем причина этого эффекта – не очень понятно. Но если причина хотя бы частично заключается в факте денежных трат, т.е. в понесенных издержках, то покупка диссертации может представлять собой даже меньшее зло, чем ИИ-плагиат.

Так как результаты ряда исследований показывают, что, во-первых, для российских школ и вузов списывание – вполне массовое явление, охватывающее до 80-90% учащихся [14, с. 39; 8, с. 31] и, во-вторых, учащиеся в своем выборе «руководствуются рациональными соображениями» [14; 5, с. 23], то, по мнению Латовых для анализа их поведения хорошо подходит экономическая теория преступлений и наказаний [3, с. 282-352]. Согласно этой теории рационально поступающий потенциальный правонарушитель исходит в своих намерениях из учета соотношения ожидаемых выгоды и издержек. В простейшем случае нейтрального к риску правонарушителя его ожидаемый

выигрыш, получаемый в результате совершения преступления, описывается выражением:

$$R = Y - pf - C \quad (1)$$

где R – математическое ожидание выигрыша (аналог средней величины выигрыша), Y – величина дохода, получаемого в предположении, что правонарушитель не будет изобличен, p – вероятность его поимки и наказания, f – денежный эквивалент наказания, C – издержки подготовки преступления, его осуществления и заметания следов [14; 24, с. 116-122]. Как легко видеть, выигрыш нарушителя от осуществления им правонарушения тем ниже, чем выше вероятность его поимки и строже наказание (больше величина f). Соответственно, рациональный нарушитель откажется от преступления, если величина его ожидаемого выигрыша (1) отрицательна, т.е. в случае выполнения неравенства:

$$pf > Y - C \quad (2)$$

Если прежде учащийся тратил время и усилия на составление шпаргалки, то величина издержек C играла заметную роль в выражении (1), уменьшая величину ожидаемого выигрыша. В настоящее время использование инструментов ИИ способствует резкому снижению издержек C , что оборачивается ростом ожидаемого выигрыша R . Соответственно, теперь для удерживания масштабов академического мошенничества хотя бы на прежнем уровне размер ожидаемого наказания pf должен быть больше на величину C . Другими словами, теперь для сдерживания мошенничества необходимо усилить контроль (с тем, чтобы повысить вероятность обнаружения попытки обмана) и/или применять более строгие наказания. Кстати, сам факт того, что списывание и ИИ-плагиат в нашей образовательной системе приобрели массовый характер свидетельствует о невыполнении условия (2). Иначе говоря, осуществляемый в большинстве школ и вузов современной России контроль неэффективен, а наказания – не достаточно строгие.

Контроль – обман – наказание

Можно думать, что самый строгий контроль и самое суровое наказание за списывание на экзамене были в Китае в 14-м веке. «Экзаменуемым вручали свиток с заданиями и закрывали в тесной келье на несколько дней. Во время заточения экзаменуемым запрещалось ходить, говорить и даже выходить в туалет» [26, с. 171]. Каждая келья имела четыре окна «по одному в каждой стене: благодаря этим окнам наблюдающие могли контролировать любое движение экзаменующихся» [14, с. 33]. «При малейшем намеке на списывание как экзаменуемым, так и проверяющим грозило наказание в виде тюремного срока или даже смертной казни» [26, с. 172].

В современном Китае за списывание на национальном экзамене может грозить тюремное заключение на срок до трех лет, а в случае повторного нарушения – до семи лет. Списывание на экзаменах также расценивается как уголовное преступление, за которое в наше время может быть назначено наказание в виде штрафа или лишения свободы, в Сингапуре, в Республике Корея, в Индии, в Японии.

Конечно, столь крайние меры применяются редко. Обычно в зарубежных вузах обходятся внутренними разбирательствами и ограничиваются административными или дисциплинарными взысканиями, такими как выговор, временное отстранение от занятий (в этот период студент не имеет права находиться на территории университета), отчисление из университета. Широко распространенной формой наказания в зарубежных университетах является передача дисциплины в целом [27, с. 67-68].

В [27, с. 63-64] авторы подробно рассматривают случай массового плагиата, произошедшего в мае 2020 года в известной американской военной академии Вест-Поинт. При сдаче экзамена по математике 73 курсанта были заподозрены в плагиате и списывании. В результате тщательного проведенного разбирательства 6 курсантов покинули академию самостоятельно, в отношении

двоих разбирательство было прекращено за отсутствием доказательств, четверо были оправданы, 8 были исключены из академии, остальным пришлось полностью повторить курс обучения. Обратим внимание на то, что руководство академии не пожалело времени и усилий на тщательный разбор инцидента ради выяснения вины каждого курсанта и вынесения соответствующего наказания.

Для обсуждения способов наказания российских студентов за академическое мошенничество обратимся к мнению самих наших студентов и преподавателей. В статье «Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание» ее авторы В. Радаев и И. Чириков сообщают о результатах мониторинга, проведенного осенью 2004-го года в ГУ-ВШЭ, в рамках которого были опрошены 1000 студентов и 311 преподавателей всех факультетов и курсов. Выяснилось, что более трети студентов убеждены в возможности при обнаружении преподавателем плагиата обойтись без всяких санкций; 26% полагают, что преподаватель при обнаружении плагиата должен понизить оценку; 35% высказались за оценку «неудовлетворительно» с последующей переделкой работы. И только 0,7%, т.е. 7 студентов из 1000 посчитали разумной постановку вопроса об отчислении. Около 2% затруднились с ответом [19, с. 76].

Что касается наказания за списывание, то только 3% из опрошенных студентов высказались за неудовлетворительную оценку, 26% – за снижение оценки, 43% – за строгое замечание со стороны преподавателя, а остальные – или за игнорирование (как будто ничего не было), или затруднились с ответом, или за то, чтобы списывание было технически невозможно [19, с. 77].

Отношение и студентов и преподавателей к плагиату заметно строже, чем к списыванию. При этом преподаватели к обоим видам мошенничества относятся строже, чем студенты. В результате опроса преподавателей было установлено следующее. За снижение итоговой оценки в случае плагиата высказались 20% опрошенных преподавателей, а в случае списывания – 27%; за неудовлетворительную оценку в случае плагиата – 65%, а в случае списывания – 20%; за отчисление за плагиат – 1%. Остальные преподаватели из числа опрошенных или высказались за более мягкое наказание (либо за то, чтобы вообще оставить инцидент без всяких последствий), или затруднились с выбором наказания, или посчитали, что следует сделать списывание технически невозможным. [19, с. 76-77]. Причина более строгого отношения преподавателей к плагиату может заключаться в их опасениях самим стать жертвой плагиатора. Поэтому можно предположить, что отношение преподавателей к ИИ-плагиату мягче, чем к плагиату, т.е. более близкое к отношению к списыванию, так как ИИ-плагиат не влечет за собой нарушения чьих-либо авторских прав.

Как видим, и студенты и преподаватели ВШЭ проявляют себя сторонниками мягких наказаний за академическое мошенничество, особенно – за списывание. Этот вывод справедлив относительно студентов и преподавателей многих российских вузов. Например, согласно результатам проведенного в 2014 году НИУ ВШЭ Мониторинга экономики Образования (МЭО), охватившего почти 3 тысячи студентов и 1,5 тысячи преподавателей из 99 российских вузов, 24% опрошенных преподавателей считают достаточным в ответ на списывание студента ограничиться строгим замечанием, 27% высказались за снижение оценки и только 12% – за неудовлетворительную оценку.

Оказывает ли эта мягкотелость преподавателей какое-либо влияние на уровень академического мошенничества студентов? Ответ на этот вопрос предлагает Е. Шмелева в исследовании [28], в котором проанализированы данные МЭО. В результате регрессионного анализа выяснилось, что существенное сдерживающее влияние на масштабы академического мошенничества оказывает показатель доли «преподавателей, нетерпимо относящихся к списыванию: чем выше в вузе доля таких преподавателей, тем меньше списывают студенты» [28, с. 98].

По-видимому, позиция сторонников мягких мер наказания за списывание и плагиат способствует размыванию в представлении студентов границ между тем, «что такое хорошо и что такое плохо», между этичным и неэтичным, допустимым и недопустимым. А студенты, убедившись в терпимости преподавателей к имитационным практикам и безнаказанности за академическое мошенничество [10], используют открывающиеся возможности в свою, в меру собственного

понимания, пользу.

О причинах терпимого отношения преподавателей к списыванию

Естественно возникает вопрос: А почему велика доля преподавателей, проявляющих крайне снисходительное отношение к студентам, склонным к списыванию? Можно предположить, что преподаватели просто предпочитают не создавать себе проблем, которые могут последовать за выставлением неудовлетворительной оценки студенту за академическое мошенничество. Во-первых, неудовлетворительная оценка повлечет за собой дополнительные консультации и пересдачу экзамена, т.е. рост и без того довольно высокой учебной нагрузки преподавателя [25, с. 12; 10] без какой-либо компенсации. Во-вторых, преподаватель рискует столкнуться с давлением со стороны администрации, которая в условиях подушевого финансирования кровно заинтересована в сохранении студенческого контингента.

Хотелось бы уточнить роль некоторых факторов, оказывающих свое влияние на отношение преподавателей и студентов. Первый проректор ВШЭ В.В. Радаев для характеристики ситуации, складывающейся в настоящее время в образовательной сфере, использовал слово «кризис». В частности, он отмечает заметную тенденцию к все более частому оспариванию студентами своих оценок. От преподавателя начинают требовать обоснования оценки, полученной не только за экзамен, но и промежуточной оценки за каждую контрольную или домашнюю работу. Требования к преподавателю объяснить, почему снижена оценка, ставят его в положение обвиняемого, который должен оправдываться за свои действия [20, с. 119].

По результатам внутреннего мониторинга, проведенного в ВШЭ в декабре 2021 г., «подавляющее большинство (80%) из 809 опрошенных преподавателей и преподающих научных работников в течение 2021 г. хотя бы раз сталкивались с ситуацией, когда студент использовал давление и/или манипуляцию для получения более высоких оценок» [20, с. 120]. Поэтому, как представляется, все чаще в аудитории происходит сцена, которую можно описать так. Студент сдает преподавателю списанную работу с мысленным посылом: «На, отвяжись!». А преподаватель принимает ее и ставит удовлетворительную оценку, мысленно отзеркаливая студенту его же слова в полном соответствии с духом протокола: «ты – мне, я – тебе».

Отметим, что в опросе преподавателей нескольких крупных российских университетов по поводу содержания и качества этических кодексов общим для всех оказалось пожелание предусмотреть «введение действенных мер, поддерживающих высокий статус преподавателя и проявление уважения к нему со стороны студенческого сообщества» [15, с. 24].

Возможно, что причина такой трансформации отношений студентов и преподавателей коренится не только в распространении ИИ-технологий, но и во введении ЕГЭ. Отказ от вступительных экзаменов может создавать у учащегося ощущение, что он не поступает в вуз, а просто переходит в следующий класс. В результате он перетаскивает в вуз многие модели поведения в средней школе, в частности, такие как пренебрежительное отношение к учителю, практики списывания и выпрашивания более высокой оценки, обращение к родителям за помощью в оказании давления на учителя. Эта эффект положительно связан с массовизацией высшего образования и коммерциализацией вузов.

Более того, Ю.В. Бельская в статье с красноречивым названием «Академическая этика и студент-потребитель» прямо связывает все главные изменения, происходящие в настоящее время в системе высшего образования, с проникновением в нее экономических (рыночных) отношений [4], которые создают, по словам В. Радаева, «тренд к превращению университета в супермаркет» [20, с. 121].

Проблемность взаимоотношений преподавателя и студента порождается несовпадением тех статусно-ролевых моделей поведения, которых придерживаются оба субъекта: студент – в роли потребителя услуги, согласно заключенному им договору об оказании платных образовательных услуг, и преподаватель – преимущественно, в традиционной для системы образования роли

учителя [4]. Соответственно, в глазах студента, у которого роль потребителя услуги начинает доминировать над ролью ученика, происходит трансформация его представления об иерархии: его статус в собственных глазах становится выше статуса преподавателя – поставщика услуги. По Радаеву, осуществляется «попытка подорвать университетскую иерархию» [20, с. 120]. Довольно недвусмысленное представление о статусном доминировании легко получить из ответов на один из вопросов, заданных в ходе опроса 200 студентов разных факультетов и курсов обучения в Новосибирском государственном техническом университете. При ответе на вопрос: «Как студент должен выходить из аудитории во время занятий в случае срочной необходимости?» 83,5% из числа опрошенных выбрали вариант ответа «самостоятельно выйти из аудитории, не спрашивая преподавателя» [6, с. 34].

Студенческое стремление к статусному доминированию сопряжено с притязаниями на роль эксперта. Теперь студент считает себя вправе оценивать предоставляемую ему по договору услугу – критиковать способ подачи материала и форму общения (преподаватель не так или не то сказал, либо не так посмотрел), судить об образовательном процессе, вступать в полемику с преподавателем по поводу оценки своей работы или ответа и т.п. [6; 20].

В результатах опроса выявилось ожидание со стороны студентов создания для них особых условий, в которых преподаватели окружили бы их заботой и вниманием для того, чтобы они чувствовали себя комфортно, а именно, «не уставали, не получали сложных заданий, не тратили много времени на подготовку заданий, а преподаватель с заботой и вниманием находился в их распоряжении и быстром доступе» [6, с. 39]. Студенты «по всей видимости, считают, что они «заплатили за услуги» и их нужно обучать, а заодно и развлекать, как в любом современном торговом центре» [20, с. 121].

Таким образом, преподаватель, жестко относящийся к студенческому мошенничеству и наказывающий за это неудовлетворительной оценкой, рискует оказаться под давлением не только администрации, но и студентов.

В статье «Академический сговор» ее автор Кирилл Титаев задается вопросом «Отчего российские вузы становятся “заборостроительными институтами”»? В результате многолетнего исследования, основу которого составили данные более 100 интервью и 150 публичных скандалов в системе высшего образования, он пришел к следующему ответу: Оттого, что «отношения «преподаватель – студент» строятся как классический сговор, то есть представляют собой непроговоренные, но скоординированные стратегии ..., которые позволяют им увеличить субъективно оцениваемые индивидуальные выигрыши (простота работы для преподавателя и простота учебы для студента) ... » [22, 191]. Иначе говоря, если рассматривать ситуацию с позиции экономической теории контрактов, студенты и преподаватель заключают между собой неявный (и, соответственно, неформальный), обеспечивающий обеим сторонам комфортное существование, контракт, по которому студенты не доставляют преподавателю забот, а преподаватель закрывает глаза на академическое мошенничество.

Академический кодекс честности против академической нечестности студентов

В работах [8-9] авторы выделяют два типа мер борьбы с академическим мошенничеством студентов. Первый, карательный, мы уже рассмотрели. Второй тип, альтернативный первому, направлен на «корректирование поведения студентов через воздействие на их ценностные установки» [9, с. 369]. Наиболее популярным является внедрение этических кодексов, предполагающее «проведение лекций/семинаров/курсов по этике, создание специальных центров и лабораторий, занимающихся исследованиями в области этики, а также центров и горячих линий...» [8, с. 32]. Однако, как признают и сами авторы [8-9], эффективность этих мер, если они применяются в отрыве от карательных, очень низка. Основная причина заключается, по-видимому, в том, что российские студенты не считают списывание и плагиат чем-то нечестным и недостойным [11].

Интересно отметить, что не только студенты заражены в настоящее время прагматизмом,

выражающимся в неумном стремлении к быстрому и легкому успеху [6; 20]. Та же бацилла в какой-то мере поразила и аспирантов. Обратимся к результатам исследования М.А. Кашиной и В.А. Васильевой, проведенного в 2023-2024 гг. на материалах пяти фокус-групп с участием 26 аспирантов из нескольких вузов Санкт-Петербурга.

Большинство опрошенных, согласных с тем, что плагиат – явление негативное, тем не менее, считают возможным прибегать к нему в силу сложностей создания новых концепций. «Сейчас уже достаточно сложно придумать что-то новое» [12, с. 495]. Аспиранты не согласны со многими правилами и процедурами, требующих больших затрат времени. «А диссертация зачем?... Мы просто льем воду ... Зачем?... Давайте мы сделаем просто 5 страниц новизны, 10 страниц доказательной теории, – вот он, научный результат. ... Просто идет трата времени» [12, с. 498]. Среди аспирантов просматривается явное несогласие с требованием самостоятельного написания диссертации. По мнению многих опрошенных достаточно, чтобы соискатель был автором основной идеи, а все остальное следует поручить выполнять специалистам, в том числе и за деньги. Наиболее радикальное суждение такое: «То, что может быть куплено, должно быть куплено» [12, с. 496]. Эту фразу М. Кашина и В. Васильева использовали в названии своей статьи [12]. Теперь главный вывод, к которому они прошли: Академические девиации воспринимаются аспирантами «в качестве повседневности, рутинности, при этом нормы академической этики продолжают декларироваться как обязательные, что неизбежно порождает ситуацию двоемыслия (двойных стандартов)» [12, с. 501].

Как видим, результаты данного исследования, с одной стороны подтверждают необходимость разработки и внедрения этического кодекса, а с другой стороны, указывают не его недостаточность. Достаточными мерами можно считать только удачную совокупность «карательных» и этических мер.

Если присмотреться к истории развития вычислительных инструментов, то в качестве самых заметных ступеней эволюции можно указать на такие инструменты, которые доминировали в те или иные годы. В самом простом варианте последовательность таких ступеней имеет вид: механические устройства (абак, счёты, логарифмическая линейка), электромеханические арифмометры, электронные калькуляторы, персональные компьютеры, сети передачи данных (Интернет) и, наконец, системы ИИ.

Все эти инструменты изобретались и использовались в той или иной мере для облечения вычислительных операций. Но на каждом этапе для обучающихся вводились ограничения на использование этих инструментов. Например, на уроках арифметики при изучении правил сложения-умножения и в процессе приобретения навыков устного счета ученика ограничивают в использовании калькулятора и других вычислительных инструментов. Причина понятна. Для того, чтобы учащийся мог овладеть определенными знаниями и приобрести соответствующие навыки необходимо было в процессе его обучения запретить пользоваться этими инструментами, так как знания и умения формируется только в результате приложения определенных усилий. Но учащийся, как правило, всегда стремится к минимизации собственных усилий и, соответственно, всегда найдутся приверженцы тех действий, которые сейчас называются академическим мошенничеством.

На настоящем этапе успешная борьба с академическим мошенничеством студентов без наказаний невозможна. Поэтому в вузе, в котором администрация и преподаватели действительно нацелены на борьбу со списыванием и плагиатом, должно быть предусмотрено наказание за проявление академической нечестности. При этом следует учитывать, что главная цель наказания состоит не в нанесении ущерба нарушителю правил, а в подаче сигнала всем потенциальным нарушителям о том, что нарушать правила невыгодно.

Так как потенциальный нарушитель должен достаточно отчетливо понимать, за что именно может быть наказан, то в вузе необходимо создать условия для того, чтобы у всех студентов сформировалось четкое понимание, что такое ИИ-плагиат, в какой мере можно пользоваться инструментами ИИ и какое наказание грозит за нарушение того или иного правила.

Например, в утвержденной в июне 2024 года Ученым советом НИУ ВШЭ Декларации этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта перечисляются общие принципы, которым должны следовать все сотрудники и учащиеся. В частности, в принципе академической честности отмечается, что ИИ должен использоваться «как дополнение, а не как замена естественного интеллекта искусственным». Принцип прозрачности обязывает сотрудников и учащихся «выделять результаты своей деятельности, ... указывая характер и объем работы, выполненной с помощью» ИИ [7].

Порядок, форма, сроки реагирования преподавателя и должностных лиц на обнаружение нарушения учащимся академических норм, а также разбора апелляционных заявлений указаны в документе «Порядок применения дисциплинарных взысканий при нарушениях академических норм в учебных работах в НИУ ВШЭ» [17]. В нем же детально определяются все виды нарушений и указываются возможные три вида наказаний: замечание, выговор, отчисление. Отметим, что согласно этому документу, при обнаружении любого из указанных в нем «нарушений академических норм преподаватель обязан поставить обучающемуся оценку «неудовлетворительно». Причем в случае списывания такое же наказание грозит и учащемуся, «намеренно предоставившему свой текст для списывания» [17].

Таким образом, для успешного сдерживания масштабов академического мошенничества в вузе необходимо как минимум, разработать и внедрить этический кодекс, регламентирующий поведение преподавателей и студентов, а также внести соответствующие изменения в правила выполнения всех видов письменных работ. Для того, чтобы преподаватели и студенты не восприняли эти нововведения как очередную бюрократическую блажь, основные положения должны разрабатываться не просто с учетом мнения студентов и преподавателей, а при их прямом участии.

Заключение

В настоящее время во многих российских образовательных учреждениях уделяется недостаточное внимание мерам, направленным на снижение масштабов академического мошенничества учащихся. Вкус и терпимость к академической нечестности зарождаются у наших студентов и школьников с раннего возраста. С младших классов они привыкают к тому, что получаемое ими в школе домашнее задание выполняют за них родители и/или бабушки-дедушки. Соответственно, и в студенческом возрасте они не усматривают чего-то плохого в присвоении чужой работы в виде решения задачи, написания доклада, реферата, курсовой и пр.

Важнейшая причина массового распространения в российских вузах академического мошенничества студентов заключается в толерантном отношении преподавателей и администрации к случаям его проявления. В настоящее время для снижения масштабов нарушений академической этики невозможно обойтись без применения карательных мер. Следовательно, перед вузом, стремящемся минимизировать масштабы академического мошенничества студентов при использовании ими инструментов ИИ, возникают задачи а) определения и указания допустимых границ при обращении к ИИ, б) разработки способов контроля и алгоритмов действий преподавателя и должностных лиц в случае обнаружения нарушения правил, в) определения меры воздействия (наказания), соответствующей проступку. Самое главное, по-видимому, состоит в осуществлении всех необходимых процедур таким образом, чтобы всеми участниками они воспринимались не как формальность, подкрепляемая административным и/или юридическим прессом, а как естественная норма, воспринимаемая студентами и преподавателями в качестве взаимовыгодной.

Широко применяемая в зарубежных вузах такая мера «карательного» характера, как отчисление из вуза, для наших провинциальных вузов в условиях подушевого финансирования – непозволительная роскошь. Другое также широко применяемое за рубежом наказание за нечестность – задание написать эссе или пройти курс заново – неприемлемо для наших преподавателей в силу их огромной учебной нагрузки. Такие виды наказания в нынешней России могут себе позволить только отдельные хорошо финансируемые вузы. А что доступно этим вузам, то недоступно провинциальным.

Поэтому можно думать, что масштабы академического мошенничества российских студентов, по крайней мере

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананин Д. П., Комаров Р. В., Реморенко И. М. «Когда честно – хорошо, для имитации – плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. № 2. С. 31-50. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50> (дата обращения: 12.02.2026).
2. Балацкий Е. В. Формирование «диссертационной ловушки» // Экономика образования. Кострома: Костромской государственный университет, 2008. № 4. С. 149-160.
3. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Бельская Ю. В. Академическая этика и студент-потребитель // Актуальные вопросы образования. 2025. № 2. С. 107-111.
5. Васильева В. А., Шабаева А. А. Плагиат глазами студентов: мошенничество или норма // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 20-29.
6. Васильева М. Р., Бельская Ю. В. Современные институциональные практики в сфере высшего образования в условиях его трансформации: социологический подход // Перспективы науки и образования. 2025. № 1 (73). С. 26-50. URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.2> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937054455.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Дремова О. В. Политика Российских вузов в отношении академического мошенничества студентов: наказание или воспитание? // Университетское управление и практика: практика и анализ. 2020. № 4. С. 30-45. URL: <https://doi.org/10.15826/umpra.2020.04.033> (дата обращения: 12.02.2026).
9. Дремова О. В., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание практик академического мошенничества студентами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 366-394. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.972> (дата обращения: 12.02.2026).
10. Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. Имитационные практики в российском университете: формы, причины и последствия // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 1. С. 111-124. URL: <https://doi.org/10.15826/umpra.2024.01.008> (дата обращения: 12.02.2026).
11. Еременко Т. В. Потенциал «треугольника мошенничества» в предупреждении академической нечестности студентов // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 3 (47). С. 34-46.
12. Кашина М. А., Васильева В. А. «То, что может быть куплено, должно быть куплено»: академическая этика в условиях «нормальной аномии» российского общества // Интеграция образования. 2025. № 3 (120). С. 489-506. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202503.489-506
13. Кондрашова Е. В. Влияние дистанционного обучения на плагиат и списывание // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 3. С. 156-161. URL: <https://doi.org/10.17513/snt.38548> (дата обращения: 12.02.2026).
14. Латова Н. В., Латов Ю. В. Обман в учебном процессе // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 31-46.
15. Максименко А. А., Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Крылова Д. В. Проблемы нормирования этических культур преподавателей российских университетов // Высшее образование в России. 2022. № 2. С. 9-27. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-9-27> (дата обращения: 12.02.2026).
16. Меморандум по итогам форума «Искусственный интеллект в высшем образовании: педагогические вызовы и перспективы российских университетов», Тюменский государственный университет и Центр трансформации образования Школы управления «Сколково», г. Тюмень, 28-30 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://disk.yandex.ru/i/YxfVHTfsYGho2Q> (дата обращения: 12.02.2026).

12.02.2026).

17. Порядок применения дисциплинарных взысканий при нарушениях академических норм в учебных работах в НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/12/24/1143309140/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202%20%D0%BA%20%D0%9F%D0%92%D0%A0%D0%9E.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

18. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы). [Электронный ресурс]. URL: <https://prepod.nspru.ru/mod/resource/view.php?id=146873&forceview=1> (дата обращения: 12.02.2026).

19. Радаев В. В., Чириков И. С. Отношение студентов и преподавателей к наказанию за плагиат и списывание // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 4. С. 75-80.

20. Радаев В. В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 114-124. DOI: 10.31857/S013216250019853-1

21. Сысов П. В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. 2025. № 2. С. 51-71. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71> (дата обращения: 12.02.2026).

22. Титаев К. Д. Академический сговор // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). С. 184-194.

23. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.

24. Цуриков В. И. Институциональная среда и преступное поведение. Кострома: Изд. КГСХА, 2006.

25. Шмелева Е. Д. Академическое мошенничество среди студентов российских вузов: масштаб и факторы: резюме диссертации на соискание ученой степени кандидата наук об образовании (PhD in Education). Москва, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2021/03/19/1359888090/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%8E%D0%BC%D0%B5%20%D0%A8%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%95.%D0%94..pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

26. Шогенова Л. А. Система государственных экзаменов для чиновников «кэцзюй» в императорском Китае // Манускрипт. 2020. № 8. С. 170-174. URL: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.31> (дата обращения: 12.02.2026).

27. Янкевич С., Пучков Е., Бальжинимаева В. Академическая этика: борьба с плагиатом в зарубежных университетах // Образовательная политика. 2022. № 3 (91). С. 62-71.

28. Shmeleva E. Plagiarism and cheating in Russian universities: the role of the learning environment and personal characteristics of students // Educational Studies. Moscow. 2016. No 1. P. 84-109.

Artificial intelligence in the education system: Problems of cheating and plagiarism

Tsurikov Vladimir Ivanovich

Doctor of Economic Sciences, Professor,

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation

E-mail: tsurikov@inbox.ru

KEYWORDS

artificial intelligence,
education, cheating,
plagiarism, code of ethics,
academic fraud

ABSTRACT

The rapid integration of artificial intelligence technologies in many areas of life has expanded opportunities for successful student fraud in the educational process. Based on an analysis of recent literature, this article discusses two types of measures aimed at preventing and reducing cases of AI plagiarism. The first type, referred to as punitive, is based on principles from economic theory of crime and punishment and involves increased control and stricter penalties. The second type consists of preventive and educational measures that focus on shaping students' value systems and promoting academic integrity along with ethical use of AI tools. Punitive measures cannot eliminate the root causes of academic misconduct but serve primarily to signal potential offenders about the unprofitability of violations. Preventive measures, unlike punitive ones, target underlying reasons but do not promise quick results. Therefore, an optimal strategy can only be built through a comprehensive approach combining both methods. Numerous surveys indicate that most Russian students generally see nothing wrong with cheating or copying work. From early childhood, they are accustomed to having their school assignments completed by parents or grandparents. Thus, effectively curbing the scale of academic fraud among students without resorting to harsh punitive measures seems impossible at present. However, applying such disciplinary actions against violators – such as giving failing grades or expulsion from university – is financially impractical for many Russian universities under per-student funding models. Consequently, there is reason to believe that many provincial universities in Russia will struggle to address the issue of student academic fraud effectively.
